

ПРОЕКТ

ЛУМУМБА

16+

Илья Петров
Проект Лумумба

«Автор»

2020

Петров И. Ю.

Проект Лумумба / И. Ю. Петров — «Автор», 2020

Серия автобиографических этюдов в стиле нон-фикшн. Написано на аккаунте
фейсбука автора.

© Петров И. Ю., 2020

© Автор, 2020

Илья Петров. “Проект Лумумба”. Серия автобиографических очерков в стиле «нон фикшн». Часть первая. “Ибикус два точка ноль”, или похождения дауншифтера Илюхи. Данный опус написан на страницах Фейсбука аккаунта Ильи Петрова. Итак, приступим, дорогой читатель!

Дорогой Фейсбук! Ничего нового в этом, лучшем из миров – быть не может, по определению. Всё так называемое новое – есть ничто иное, как хорошо забытое старое. Поэтому можно погрузиться в ностальгические воспоминания о прошедшем. Раньше, ведь как было – и солнце светило ярче, и воздух чище, и люди были духовнее... Да?? Чушь это всё, если чел начинает ностальгировать о прошлом – значит постарел! Но вспоминать о содеянном или просто об увиденном, это вполне нормально. Вот я и подумал, что можно предаться воспоминаниям. Брюзжание пожилого чела – вполне органично. Ну, что же – приступим! Вспомнилось некое развлечение, которому я предавался в 2010 году. В те старинные, по интернетовским меркам, времена – не существовало сформировавшихся соцсетей и форумов. Да и сам Интернет – был ещё хилым. Но уже был! Так вот, на одном кубанском форуме появилась рубрика «курилка». Народ потянулся! Аналогия с настоящей курилкой – понятна. Люди пришли на перекур. Вот и завязалась неспешная, ни к чему не обязывающая беседа. Но сайт счёл, что термин «беседка» более позитивен. Курить-то вредно! 😊

Вот я и предложил форумчанам-собеседникам такую мульку: каждый помнит курьёзный, страшный или поучительный случай, из своей жизни. Неординарный, короче случай. Вот его пусть и опишет. Письменно. А мы оценим... Итак, для начала – предлагаю следующее название для этой рубрики: «Ё-пэрэсэтэйка». Буква Ё в нашем языке носит сакральный и универсальный характер. Тут и «ё-моё», и прочие рифмы... Да ещё я прочёл в газете, или в телике увидел, что миллиардер Прохоров объявил о начале работ по созданию «супер-автомобиля для массового потребителя». И бюджетный, и начинённый всем самым новым и прогрессивным. И создаётся он сугубо на компьютере. Без бумажных чертежей и прочей архаики. Имя ему будет, «Ё-мобиль»! Так вот я и решил признать название «Ё-пэрэсэтэйка», вполне креативным. Так и началась эта эпопея. Которая продлилась 20 недель. Мой пример не поддержал никто, в одиночестве так я и пребывал, всё это время. Комментариев было немного, в течение недели. Просмотров набиралось от 10-ти до 200. Но такой рекорд был лишь однажды. 😊

Продолжаем наш экскурс. Итак, встречайте – «Ё-пэрэсэтэйка-1». Итак: Баку, начало 70-х. Речь идёт о воспоминаниях поздне-школьного моего периода. В двух кварталах от нашей улицы, расположен сад, в котором находится памятник азербайджанскому писателю М. Ф. Ахундову. Вы можете увидеть описываемый ландшафт, вбив в поиск браузера – «Ахундовский садик». Во времена оные, Баку утопал в зелени и Ахундовский садик тоже. Он не был таким «лысым». Посмотрите на толщину тех двух-трёх деревьев, которые не спилили. Днём в садике гулял детсадовский контингент. Детсад был в соседнем квартале. Днём несколько мужчин-пенсионеров, из соседних домов, неизменно несли свою вахту сидя на скамейках. Ведя свою неспешную беседу, либо читали газеты, либо сражались в нарды, домино, или шашки-шахматы. Всё тихо-мирно и патриархально, с восточным колоритом. А когда я учился ещё в младших классах, в нашей школе №3 была «группа продлённого дня». Режим был таков: окончание уроков в 12 часов, спускались в столовую, обедали – «первое», «второе» и кисель-компот. Затем отдых. Первоклашки спали в спальном комнате. На кроватях с простынями, наволочками и висящим на спинке полотенцем. В 3 часа начиналось выполнение домашнего задания, в тех самых классных комнатах, где проходили уроки. 😊

Учеников 1-го, 2-го, 3-го и 4-го классов преподавательница «продлённого дня» водила на часовую прогулку. И в описываемый Ахундовский садик, в том числе. Посещение «группы продлённого дня» было добровольным. В смысле, решение принималось родителями. У кого-то есть бабушки-дедушки, у кого-то нет. Значит, до прихода родителей с работы, дитячко

либо под присмотром семьи, либо школы. Денежки на питание вносились ежемесячно. Вот сколько – не помню точную цифру, а фантазировать не буду. Школа имела двор асфальтированный. Равной площади имелась площадка без асфальта, где росло несколько деревьев. Типа, «сад» значит. Имелся спортзал. Были ещё помещения под мастерские, для «уроков труда». Здание школы было массивно-добротным, постройки конца позапрошлого века, Отопление – форсунки газовые, вмонтированные в печи. Которые до наступления газовой эпохи, топились углём или дровами – не знаю. Почему столь подробно начал объяснять подробности устройств школьного здания? Для того, чтобы плавно перейти к тому, где же мы курить-то начали. И когда, в каком классе... Итак, в 6-ом попробовали впервые, в седьмом уже курили чаще, а в восьмом – уже пачки сигарет хватало на три, а потом – уже только на два дня...

А ребята некоторые, возрастом постарше иногда покуривали нечто иное. Толком, никто из взрослых и не пытался хоть что-то пояснить подрастающему поколению. В надежде, что допрут сами. По ходу, вся совдепия полна была недоговорённостей и умолчаний. Начиная с самых азов своей, белыми нитками, наспех сшитой идеологии. До конца не проработанную теорию, возвели в абсолют и что из этого вышло... Да бог с ним, с коммунизмом, где «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям». Не будем о скучном, вернёмся к курьёзному. Освоив курение табака, начав это дымное дело, очень конспиративно, постепенно снизили градус секретности. Курение в школьном туалете, на переменах – стало делом привычным. Но не повальным. К восьмому классу ближе, из ребят, только процентов двадцать покупали сигареты, постоянно. Процент двадцать, не курили вовсе. Значит, оставшиеся шестьдесят – были колеблющимися и курили редко. Девочки не курили вовсе. Сейчас, наверное, это кажется странным. Но было именно так. И не иначе. Во всяком случае, за время учёбы в школе, я не видел и не слышал об ином. А интерес к более запретным, чем табак вещам – конечно существовал!! Сколько было розыгрышей и подростковых обманов. Ну это нормально, для представителей разных поколений. Время от времени, кто-нибудь появлялся с рассказом о том, что на кладбище, какие-то друзья чьих-то соседей обнаружили целую плантацию конопли. Хотя, никто и не знал, как она выглядит. Из уроков географии, из описаний подвигов первооткрывателей, мы уяснили, что канаты, для оснастки парусных судов делали из пеньки.

И правомерно возникал вопрос: такое количество парусов – это ж сколько канатов нужно? Ответ – много! Вопрос: а где их производили? Ответ: в России! Пеньковый канат состоит на 50% из волокон льна, а на другие 50% – из волокон конопли. Значит, посевные площади, под коноплей были значительными. Весьма... Но крестьяне работали в жару, в поле в штатных костюмах химзащиты и в противогазах. И пищу принимали, не снимая противогазов. Чтобы ненароком, нисколько не вдохнуть конопляных запахов и конопляной пылицы, в период цветения. В те стародавние времена, народ был серьёзен и консервативен. Донельзя. А моряки-первооткрыватели, стойко переносили все тяготы и лишения воинской службы. И ни в коем случае, не употребляли эту дурман-траву в приготавливаемую пищу. И сырую не ели. Просто, меня неуклонно преследует мысль о неизбежности, гонений на тех, кто исходит из других взглядов. На дела дней минувших. Думается мне, что на Руси во времена массового культивирования канабиса, его не только для производства канатов и для ткацкого дела выращивали. Но и для употребления в пищу: народ и чай пил из конопли, и в горячее молоко её бросал. И в салаты, вероятно, добавлял. Вот не курили, точно... Курение табака ещё не пришло в Россию, массово. Поэтому, чтобы не нарваться на чрезмерно ретивых блюстителей, заявляю превентивно. Данный опус, публикуется не с целью рекламы процесса употребления канабиса. А наоборот: мы осуждаем, порицаем, негодуем и даже сильно гневаемся! Когда видим процесс употребления, данного зелья прилюдно, среди бела дня! Безобразия, куда глядит семья и школа! Прогрессивная часть общественности и остатки родственников! Позор анашистам...)))

Продолжаем повествование о происшествиях и событиях вокруг и около упомянутого памятника М. Ф. Ахундову, в городе Баку. Пришло время, на заре моей юности, попробовать

упомянутое зелье. С кем не бывает... по молодости. Итак, классе эдак в девятом, довелось употребить данный продукт, впервые. Впечатление осталось не очень понятным. Совершенно было ещё несколько «проб». В кругу таких же «естествоиспытателей». По случайному стечению обстоятельств, облюбовали мы для этих «экспериментов» садик Ахундова вечерами... Созванивались либо договаривались, о времени начала нашего мероприятия. Зашифровав таковое действие, как «почитать книгу». Это значило, что собираемся в оговариваемое время, около памятника Ахундову и «отдыхаем». Писатель Ахундов, сидит в кресле и держит, лежащую на его коленях, раскрытую книгу. Отсюда и появилось такое «условное обозначение». Но не эти юношеские шалости составляют «ядро» описываемого забавного случая. Отступление насчёт «чтения книги» – это лишь преамбула. «Главный герой» дальнейшего – сам памятник! Скорее то, что с ним произошло, однажды. Поздней весной, или ранним летом 79-го. Но не 80-го, точно. Иначе, это событие отложилось бы в моей памяти, как «произошедшее, в год олимпиады». И так, ранним утром трудовой Баку проснулся, умылся-побрился, выпил утренний чай и заспешил на работу. Или занятия, в учебных заведениях. Идя привычным маршрутом к метро, автобусу или троллейбусу, проходя мимо Ахундовского садика, люди останавливались, в изумлении! Привычно сидевший в кресле писатель, вдруг предстал перед оторопевшими гражданами в новой ориентации, относительно системы координат: север-юг-восток-запад!

Памятник, ныне, сидел наоборот – будучи повернутым на 180 градусов! Было, от чего «рот разинуть»!!! 😊 Всё вокруг осталось прежним: и деревья, и скамейки, и пределы садика, как такового... Вот, только памятник повернулся. Дорогой читатель, ты только представь: вокруг никаких разрушений, листва на деревьях и кустах всё такая же зелёная, нет следов посадки инопланетного корабля – а памятник повернулся! Раньше, сидел Ахундов – спиной к дому №1 по улице Караева, а теперь – лицом сидит, всё с той же книгой, в руках... Обалдеть! «Так, то ж – памятник!», цитата. Читатель, представь себя, на месте тогдашних прохожих! Живёшь «на районе», спокон веков. И вдруг, такое. «Не в сказке сказать, ни пером описать!» – только и приходит в голову. По поводу... Хоть стой, хоть падай. Воистину! 😊 Далее, тишина. Никаких комментариев. Ни в местной прессе, ни в народной молве. Глухо, как в танке. И лишь спустя недели три, пошёл разговор, что это сделал Алёша-цеховщик, проживавший в этом доме № 1. Сам я с ним сталкивался лишь дважды, по жизни. Первый раз, он с другом, приехал к нам домой в поисках моего одноклассника по 160-ой школе, Кости. А в то время, я с мамой и сестрой проживал, уже не по соседству с Алёшей, а в другом районе Баку, в Арменикенде. По тогдашнему проспекту Ленина, моё жильё было. Нынешний адрес той квартиры: проспект Азадлыг дом 84 кв. 2. Там сейчас магазин какой-то. Надо будет уточнить. Но не о дне сегодняшнем говорим ныне. О прошедшей молодости ностальтруем...

Продолжаю, про Алёшу: однажды, в 1973-м, постучал он в нашу дверь. Квартиры № 2, дома № 84, по проспекту Ленина (ныне – Азадлыг). Не один, а вдвоём, с другом. Моя мама открыла дверь: «Вам кого?» Они: «Мы по просьбе матери Кости Захаряна, одноклассника вашего сына, по 160-ой школе. Дело в том, что он уже вторые сутки, как не появлялся дома. Его мама обеспокоена крайне, вот она к нам и обратилась, мы – друзья её покойного мужа. Телефона у вас нет, поэтому мы и приехали, можно войти?» «Проходите», – сказала моя маман. Гости вошли, и я был приглашён, для «дачи показаний». То, что Кости не было в школе, я заметил. Но то, что его нет и дома, мне было неизвестно... Гости стали задавать мне наводящие вопросы, с некоторым нажимом. Мама парировала: «А вот у нас, в нашем Насиминском РОВД есть родственник, правда дальний, но следовательно он отличный, на прекрасном счету... Туниев его фамилия, не знакома вам? Могу и к нему обратиться, за помощью, я тоже мать, прекрасно всё понимаю...» Гости аккуратно снизили градус суровости. Тут я начал понимать суть предмета. У Кости были «амуры» с девочкой, которая училась, годом младше нас. Таня Беспалова её звали... Что не одобрялось, вызывая определённое беспокойство у Костиной мамы, Фриды

Наумовны. Которая преподавала англиш, в какой-то школе, на Зыхе. Она, как школьный препода, ежедневно могла лицезреть какие фордебобели выкаблучивают соотечественники, вступившие в пубертатный возраст! Сошлись мы на том, что гости, сажают меня в свою машину и я показываю им, где проживает Таня. Отпираться было бесполезно... Старшекласники нашей школы, прекрасно видели, а с некоторыми мы и сталкивались, иногда в кинотеатре «Знание». Что за углом, от школы. Иногда после занятий, а иногда и во время... Так что врать, будто я не знаю, где Танин дом – смысла не имело. Эти ушлые, как я отметил, сограждане завтра, поутру, нарисуются в нашей 160-ой. Для продолжения розыска... 🤔

На следующий день, Костя благополучно нашёлся. Оказывается, он ночевал у другого нашего одноклассника, Дато Тетруашвили. Которого вы можете увидеть, вбив в поиске ютюба: «24 часа». Такой художественный фильм. С участием знаменитого артиста Козакова. Дато играл в этом фильме Анзора – оптового продавца парфюма и мафиози, по совместительству. Но это отдельная история. Пока что, продолжаю, про Алёшу... В 1985-м году, сижу на работе, разговариваем о том, о сём. Напрягался я тогда в Специальном Конструкторском Бюро Министерства местной промышленности АзССР. В должности ведущего конструктора-дизайнера. Умея рисовать при этом, как Остап Бендер, изображавший сеятеля облигаций госзайма. Чем занимался тогда? Я осуществлял поиск товара, из числа товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, который будет пользоваться спросом. Который мы – Местпром АзССР сумеем изготовить, из местного сырья. Металл нежелателен, полистирол – ещё более нежелателен, полиэтилен – с радостью! Мешок гранул полиэтилена среднего давления стоил 40 руб. Ну, не в гос. торговле! Сколько тазов и вёдер, а также иных полезных и даже необходимых предметов, можно изготовить из одного мешка гранул? Далее, эти товары попадут в гос. торговлю и будут реализованы населению. Населению-то какая разница, из учтённого сырья этот тазик, или нет? И как распределится итоговая прибыль? Главное, что этот тазик можно купить. Не стоя в очереди десятилетием, как за автомобилем. Итак, сижу и рассказываю сотрудникам и сотрудницам, о повёрнутом, в конце 70-х, памятнике Ахундову. Для небакинцев поясню о местоположении Ахундовского садика – это в одном квартале от Баксовета, или Бакгорисполкома. А также в одном квартале от школы № 134, которую окончил Гарри Каспаров. При цареватюшке, именовалась Мариинской гимназией. И в которой работали предки и родственники моей бабушки по отцу – Дашевские и Авалиани. Что можно видеть, заглянув в материалы сайта Our Vaku.

И вот, один из присутствовавших работников нашего СКБ, его звали Алмадад говорит, с оживлением: «А я был, на этой вечеринке! Алёшина жена, с детьми уехала куда-то, и мы собрались тёплой компанией, на этот мальчишник. Сидели, разговаривали, выпивали конечно... И вот – обратили внимание, что памятник сидит к нам спиной. А это – неуважение! Все присутствовавшие вознегодовали и решили это дело исправить. Сказано – сделано! Вышли на улицу. Каждый взял из своего авто монтировку, маленький ломик, молотки потяжелее... В общем, у кого что было, то и взяли. Затем, поднатужившись, потихоньку, стараясь не шуметь, ведь ночь – люди спят, мы и повернули памятник М. Ф. Ахундову. На 180 градусов и повернули... На постаменте, он не был закреплён никакими анкерами. Просто стоял, без какого-либо крепежа, лишь своим весом обеспечивая достаточное сцепление. С чувством достойно исполненного долга, мы снова сели за праздничный стол. Ибо, это уже был настоящий праздник! Праздник пьяного мальчишеского ухарства! 🤔 Кстати, хочу отметить: данную публикацию просматривает и лайкает мой армейский, далее институтский друг, Виктор Жолудов. Ныне – друг на фейсбуке. Возможно, Витя даже видел этого Алмадада, когда проводил в нашем СКБ дискотеку со своей музыкой и аппаратурой. Тогда, зная меня, как чела прогрессивного, местком возложил на меня поручение – обеспечить музыкальное сопровождение, не помню, какого праздника... Вот я и попросил Витю. Музон Виктор обеспечил, по высшему разряду, Страсть

к популярной музыке, сохранилась у Вити и в пенсионном возрасте – у него есть скромная коллекция из 500 /пятисот/ виниловых дисков, например... 😊

Как и обещал, возвращаюсь к школьному другу Косте. Году, эдак, в 78-м, зашёл я к нему, поболтать и просто провести время, если его мама на работе. А Костина мама, в то время уже пенсионер, устроилась на работу. В гостиницу «Москва» в качестве дежурной по этажу. Как владеющая английским языком, она была принята, с радостью. Радость была и у Кости, а также, и у Костиных друзей. Ведь, работала Фрида Наумовна сутками, значит, сутки через трое, в квартире Константина Павловича, скучно не было... Не только ему, но и его друзьям

и их подругам. 😊 Жизнь была ключом!! А за стеной было музучилище, по ул. М. Горького. Следующий квартал от Армянской церкви, в сторону «пятиэтажки», угол улицы Л. Толстого. Вход из подъезда, на ул. Горького. Второй этаж. А сам я проживал уже не в районе Баксовета, а напротив гостиницы «Мугань», почти. В доме, с книжным магазином. Дом № 84, по тогдашнему проспекту Ленина. Встречает меня Константин, в тот день просьбой, сразу: «сходим в твой бывший район, на Караева 1, заберём наши ставни. В недавнем прошлом, мама их отдала одному старосемейному знакомому, за ненадобностью. А вот теперь, решила забрать и повесить их, на родные петли». «Ну, пойдём...», – согласился я. Пришли по адресу ул. Караева 1. Поднялись на третий, кажется, этаж. Забрали эти, тяжеленные ставни, две штуки и идём по двору дома Караева 1. Несём их, как носят носилки – один носильщик спереди, другой сзади. Группа пацанов, несколько младше нас, один вполголоса: «А чего это они выносят, от кого?». «Всё нормально, не шуми – это от Алёши, из его квартиры вынесли, я видел» – тоном выше,

произносит другой «страж двора» 😊 Парой минут ранее, дверь квартиры нам открыла женщина, постарше нас гораздо: «Костя, ну наконец-то!». И выдала нам груз. Без лишних разговоров мы и потащили эти ставни. А Костя и говорит: «Хозяин этой квартиры приходил к тебе домой, в Арменикенде, разыскивая меня. В школьные-то наши годы, однажды, помнишь?».

«Как не помнить... Эх, молоды мы были!!» 😊 P.S. Дом, окнам которого полагались ставни, метра 3 высотой был ещё дореволюционной постройки. Угол Горького – Толстого. А на Толстого, сразу за углом – школа № 24...

Нового у нас то, что несколько изменился подход к выбору «точки отсчёта», в хронологии моего повествования. Первое, курьёзно-забавное, происшествие произошло в моей жизни летом 1962 года. В Москве! Но в том, достопамятном году, я проживал, по месту рождения, в Баку. Было мне тогда 5 лет. Весной того года, в Москве, скончался дядя моей матери, муж её тётки. Скончался он, непосредственно на рабочем месте. А напрягался этот достойный человек, в должности зам. управляющего организацией, под названием «Мосплодовоцторг». Я понимаю, какие ассоциации пришли твоему воображению, дорогой читатель. Но действительность была таковой: он доблестно воевал на полях сражений 1941-1945 годов. Имел награды и ранения. По окончании войны, занимался активной деятельностью, в сфере народного хозяйства СССР. В московском периоде своей жизни, входил в «микояновскую команду», но проживал в бараке. В таком, о котором пел В. Высоцкий: «на сорок восемь комнаток всего одна уборная». Жизнь того времени, имела некоторые, фантастически-нереальные, по современным меркам, особенности. Так, например, когда возник вопрос о выборе места, для строительства складов, гаражей и офиса организации, Маркаров, недолго думая, показал на пустырь, напротив его барака. Чего ж долго думать-то: проснулся, пришёл в боеготовое состояние и перешёл дорогу. Ну вот – уже на рабочем месте! Возможна неточность, но насколько мне запомнилось, из материнских рассказов, улица эта называлась «шоссе энтузиастов». Но, пешком он не ходил на работу. За ним приезжала персональная машина «Победа», Водителем которой, была женщина. Однополчанка и боевая соратница, в дни минувшей войны. Демобилизовавшись и продвигаясь далее, по хозяйственной части он повсюду тянул за собой и быв-

шую однополчанку. Не берусь судить о глубине их отношений, но не думается мне о теме «взаимоотношения полов». Он боготворил свою жену Елену. Сестру матери моей матери. Так вот, непосредственного, в траурных мероприятиях, участия моя мама не принимала. Потому что, тётя Елена, или «тётя Лёля», сказала маме о желании «дяди Армена» быть кремированным и захороненным в родном Баку. Урну с прахом, привезли и похоронили, на бакинском кладбище. А в конце лета, моя мама, взяв и меня, с собой прилетела в Москву. Чтобы уговорить тётю Лёлю, переехать в Баку. Вот с этой задачей, мы с мамой и обозначились в столице.

Продолжаю о Москве. Прилетели мы самолётом. Видимо, это был Ил-18, потому, что ничего о полёте не помню. Со страху... Других чувств, полёты на этом аппарате, не могли вызывать. Даже, у людей, мужественных и закалённых жизнью. Чего же ждать от ребёнка? Организм, защищая неокрепшую детскую психику просто стёр эти файлы, из памяти. Напрочь! А вот, как ехали в такси, по Москве – помню. Частично, конечно. На следующее утро, мы втроем: мама, тётя Лёля и я – прибыли в район Кремля. Дело в том, что мама где-то прочла, как несколько дней, Алмазный Фонд будет экспонировать, некоторые из своих сокровищ. В каком-то из помещений Кремля. Ну как же советской женщине-инженеру, работнице химической лаборатории на одном из прибакинских нефтяных промыслов, не посмотреть на такое? Ну невозможно, ведь, это пропустить! И вот, мама отбыла к алмазным витринам. А мы, с тётей Лёлей, принялись осматривать Царь-пушку. Эта артиллерийская конструкция, вызвала у меня живейший интерес. Мимо Царь-колокола, мы прошли бодрим аллюром. Церковная атрибутика меня не вдохновила. Дело в том, что моя бабушка, отцова мать, ещё задолго, до нашего с маман отъезда, провела со мной экспресс-курс. О достопримечательностях белокаменной. О том, что следует осмотреть. Всенепременно! А по возвращении домой, детально отчитаться, о пережитом. Бабушка преподавала математику, в школе, но, за год до моего появления «на свет» вышла, на пенсию. Она была 1900 года рождения. А еще мне бабушка рассказала о «плохих уличных мальчишках», которые счищают серу со спичек и начинают этой смесью трубочку с заплюсненным одним концом. Затем, через просверленное в стенке трубочки отверстие поджигают спичкой. Происходит выстрел. Но так делать нельзя, ни в коем случае! Это опасно!!! Памятуя эту ценную информацию, я и прикидывал, обходя Царь-пушку, сколько же коробков спичек потребуется. Исходя из цены, одной коробки, в одну копейку... Увлечённый мыслями о запретном, то бишь о возможном выстреле, гляжу на подошедшего к нам мужчину. В тёмном костюме и с орденом, на лацкане пиджака. Похожие на этот орден, нагрудные значки, я видел на детях-октябрятах. Мне говорили взрослые, мол придёт и твоё время носить такую звёздочку! При чём, в основном, на детишках, были просто звёздочки. А у некоторых, но очень редко, я видел звёздочки, другие. Висящие на якобы орденских планках, где и была сама застёжка наподобие английской булавки. Так вот, у этого человека была очень похожая на октябрятскую, звёздочка «с орденской планкой». Цвета эта звёздочка, была золотистого. Муж сей подходит к нам и спрашивает: «Мальчик, тебя как зовут?». Я пролепетал, в ответ, видимо, невнятно: «Илюша...».

Чел не расслышал. «Как, как??» – слегка наклонившись, ко мне, переспросил он. А меня, папаня уже обучал строевым приёмам: Стойке «смирно», «вольно», приёмам «направо», «налево». С выполнением команды «кругом» были сложности, но работа шла. Также уделялось внимание отработке «командного голоса». В полном соответствии с заветом, кого-то из Романовых: «солдат должен иметь вид бодрый, но слегка придурковатый». А также, папаниным наставлениям я заорал, что было мочи: «Петров Илья Юрьевич!». Мужик отпрянул испуганно, но руку протянул моментально: «Климент Ефремович Ворошилов!». Тётя Лёля, мгновенно выказала свою радость. От непосредственного лицезрения этого известного, всей стране человека. Запросто разгуливающего, по Красной площади. Она о чём-то, с ним, полминуты даже поговорила. Также, удостоившись рукопожатия. Потом, она возбуждённо говорила маме, что очень рада такой встрече. Что, мол, она всегда мечтала с ним встретиться. Но уровень поло-

жения этого человека был на несколько этажей выше в советско-московской иерархии, что не предвещало возможности непосредственного знакомства. Но, вот теперь, мечта её сбылась! А тетя Лёля, водила знакомство и даже дружбу с разными людьми. Например, она приятельствовала с сестрой Лаврентия Павловича Берии. Та, не имела никакого отношения к сфере службы своего брата. Она занималась научной деятельностью, нечто в области ботаники – она работала с растениями. Однажды, рассказывала мамина тётушка, Тамара Пална пригласила её в гости, в Тбилиси. Для знакомства с тонкостями грузинской кухни. Прилетев в столицу солнечной республики и, слегка отдохнув с дороги, подруги отправились в ресторан. Тамара Пална сделала заказ сама, предложив тёте Лёле полностью отдаться воле пригласившей её стороны в части выбора блюд, а уж потом, высказать свою экспертную оценку... Когда, мамина тётушка отпробовала первый кусочек с принесённых тарелок – она поняла, что до сих пор, так и не знала, что такое «настоящий пожар во рту». А вот, «визави по застолью», напротив, подозревая официанта, недовольно сказала: «Что это за преснятина? У моей подруги, может сложиться неверное мнение, о грузинской кухне! Перца чёрного, молотого принесите. Раз уж, сами не в состоянии, правильно готовить пищу – я исправлю ваши огрехи. Сама!».

А ещё, из той поездки в Москву, мне запомнилось катание по территории ВДНХ на мото-роллере с коляской. Не за рулём, конечно. Такие экипажи работали по территории выставки, в режиме такси. Подкатили мы к двухэтажному ресторану «Баку», попрощались с водителем и поднялись на второй этаж. Первый этаж, это обыкновенное помещение, а второй – был летним вариантом. Без стен. Но под парусиновой, или брезентовой крышей. Мы, вовремя успели укрыться, под навесом. Потому, что начал накрапывать дождичек. Ещё не осенний. Но, как бы, уже и не совсем летний. Так, с намёком на осень. То есть, самое время, «ударить по шашлыкам»! Что я и сделал... Официант, приняв от мамы и её тётушки их заказы, умильно глядя на дитяtko в коротких штанишках, спросил: «А ребёнку, что?». Тут я, не дав женщинам взять инициативу в свои руки, и умудриться накормить человека в ресторане манной кашей, или её аналогом, поспешил объявить своё мнение: «Ребёнку, одну порцию люля-кебаб. И зелени, побольше! Бутылку лимонада, похолоднее. Любого. Но посвежее, не прошлогоднего!». У меня уже был печальный опыт, отпробовать в жару, стаканчик лимонада «второй свежести». От такой лихости заказчика, официант аж рот приоткрыл... Мама с тётушкой, отрегулировали ситуацию, сказав: «Ребёнок-бакинец, очень шашлыки любит! А в ресторане, заказ, вообще, делает лично сам – впервые!». Официант, врубившись в ситуацию, сразу нашёлся: «Да как я мог земляка не узнать, это всё от перемены погоды! Я очень на погоду реагирую... Сейчас, всё будет готово! Подождите, несколько минут!».

На память о том посещении столицы, у меня остались два предмета: игрушечный автомобиль ЗИМ и рогатка. Которую мне сделал житель этого барака. До сих пор, помню, как его звали: Витька Крутиков. Он был старше меня, на целых два года! В мои-то пять лет, это ведь почти полжизни, тогда. Сделанная рогатка, была качественная. Из медицинского жгута! Убойной силы – значительной... За что и была конфискована папаней. По моему возвращению домой. Эту нервную акцию, хитрая маман не стала проводить сама. И в Москве. Потому что рогатка, это оружие. А оружейная тема – есть сугубо мужская... Зато, игрушечный ЗИМ, привёл отца в состояние искреннего восторга! Машина была металлическая, цвета тёмно-сиреневого, сантиметров 40 длиной. С пультом управления. Пульт этот был пластмассовый, чёрного цвета, в форме пистолета. Там, где у настоящего пистолета расположен боёк, на тыльной стороне ствола – там был шток. Нажимая на который, осуществлялся поворот машины. Вправо, или влево. Вращательное движение передавалось гибким, витым тросиком, типа шланга. Из свитой, как пружина, без зазора между витками, проволоки. Стальной. Как гибкий шланг, от душа. И пока крутишь – машина едет. Не крутишь – не едет... Никаких батареек, исключительно мускульная сила оператора! Машинка эта была приобретена маминым дядей, ещё зимой. Для меня. А служебный ЗИМ, для себя – так и остался, его не осуществившейся мечтой.

Наш приезд планировался летом. Но в конце весны, жизнь распорядилась иначе. И вручить мне, этот шедевр игрушечного автопрома – пришлось тётке Лёле... Но, на тот момент – в нашем доме, уже была игрушка покруче. Автомобиль BMW321. Машина была получена из Германии, в качестве репараций. В АзНИПИнефть, где работал отец, поступили две такие машины. Каждая заколочена в ящик, как пианино. Когда машины набрали пробег, около 400 тысяч километров, как раз вышло постановление Хрущёва. О том, что вновь выпущенный автомобиль «Победа» – заменяет все иномарки, у советских руководителей. И вот одному автомобилю БМВ – сделали капремонт и продали моему отцу. За 8000 тогдашних рублей. Было это, через год, после моего рождения. В 1958-м году. Реформа денежная – состоялась в 1961-м году. Значит, понятными нам, советскими рублями – авто стоило 800 рублей. На момент покупки, отцовская ежемесячная зарплата составляла около 1000 рублей. Покупка уложилась, в восьмимесячный его заработок. А второй автомобиль – разобрали. Кузов порезали, на металлолом. Всё, что можно было «снять – открутить», было снято и откручено. Затем, перенесено в нашу двухкомнатную. Площади жилой, ровно 30-ти квадратных метров – квартиру. Но, высота, до потолка – 4,2 метра. Весь этот «трансформер», был живописно развешан, на стенах. Вот и прописалась, в нашем доме, «бэмвешка». Став полноправным членом семьи. К некоторому, но не слишком, неудовольствию маман. Эксцессов не было, всё было мирно, с пониманием... Первое турне, «на колёсах» – мы совершили в 1961-м, в Сухуми.

В начале лета 1961 года, поехали мы к отцовской тётке, в Сухуми. С бабушкой, на поезде. Спустя примерно недели через три – к нам подъехали из Баку и папаня с маманей. С ними, за компанию, приехал и сотрудник отцова предприятия, с женой. А сотрудник этот – Николай, работал ранее, водителем данной бэхи. Вот, поэтому и был он приглашён в турне. Папахен, тогда ещё не сильно овладел мастерством управления. А главное – содержания этого раритета, «на ходу». А Николай, проехал за рулём, все 400 тысяч километров государственного пробега. Упомянутого образца, немецкого, автопрома. Он лучше всех, знал его «болезни». Но, из всех конструктивных огрехов, замечен был лишь один. Это «прямозубые» – первая и вторая скорости. На «задней», специфическое гудение прямозубой пары не ощущалось. Потому, что – «задом наперёд», автомобиль едет довольно редко. И недалеко... Всё остальное, было вполне «на уровне». Во многом, даже, выше! Централизованная смазка всей ходовой, за исключением двух крестовин кардана – не была успешно реализована, ни на одной машине советского автопрома. А на «бэхе», стоило несколько раз качнуть ногой педаль, смазочного насоса. Слева, от входа рулевой колонки в пол. Так и надобность, лазить под машиной, со шприцем – отпадала. «Реечное» рулевое управление, делало автомобиль очень чувствительным, в поворотах. Как на «формуле»! «Сотовый» радиатор водяного охлаждения, не давал возможности «закипеть» двигателю. Ни при каких, крутых и затяжных подъёмах. «В подъём», хуже всех ходила «Победа». «По прямой» нас могла «достать» только «Волга» ГАЗ-21. Но, ближе к 120-ти, она начинала «взлетать». И терять управление. Аэродинамика подводила, беднягу. А нашу, наоборот... После сотни – «плющило» к полу. С ЗИМом, никогда не «гонялись». Ничего не могу сказать.

Ну, с машиной – понятно. Неискушённые в этой теме, даже утомились читать. Поэтому, хватит о железе. Перейдём к людям. А конкретно, к отцовой тётке – Петровой Елене Васильевне. Родилась она, так же, как и брат её Сергей – в Сухуми. В самом начале прошлого века. Кем были их родители – мне не известно. Но проживали они в доме, который построили пленные немцы. Дом – красный кирпич, под черепичной крышей. На, почти метровой высоты, кирпичных сваях. Потому, что иногда – бывают там наводнения. Так что без подвала. Дом, не на набережной, а на второй, от моря, улице. Возможно, я ошибаюсь, но улица называлась тогда – ул. Кирова. Дом 25, или 27. Забегая вперёд, скажу, что мой отец продал этот дом, в 1976-м. Проживал-то он в Баку. Приехал в Сухуми, на похороны тётушки. Она одна жила. Отец с ней не общался. С тех пор, как понял, в середине 60-ых, что некоторый денежный должок,

он ей вернуть не сможет. Что за сумма?? Да вот, на покупку всё той же «бэхи» ... Думал, что получится, но... Не тут-то было! Семья, двое детей, сам – инженер, жена – тоже. По 120 руб. в месяц. Плюс, бабушкина пенсия 85 руб. При таком доходе, возврат долга тётке – как-то не планировался. Не общались, короче. Но, в упомянутом 76-ом, отца вызвали в Сухуми. Тёткины соседи. А тётки-то, уже и нет. Но есть завещание. На отца и на меня. А я в это время, срочную службу служил. Под Кировабадом. В Ханларе, в войсках ПВО. Папаша, по телефону, объяснил мне ситуацию. Спросил: «Что делать будем?». Я никогда не задумывался, как живут люди в одном населённом пункте, но ещё имеют жильё и в другом месте. Поэтому, отец спросил прямо: «Ты в Сухуми хочешь жить, или в Баку? И там, и здесь – не получится! Решай.» «Чего тут думать, конечно – в Баку!» – ответил я. «Тогда, дом я продаю» – вынес вердикт папа. И продал. По-быстрому. С потерями, конечно, но «в целом» – нормально. Кому продал-то?? Вот, непосредственно – городскому прокурору и продал!

Подробнее, о тётушке отцовой – о Елене Васильевне. Дома, в быту – именовалась она Лёлей. Так что в кругу моих родственников, было две тёти Лёли. Одна – отца тётя, другая – тётя матери. Какая из них, была колоритнее – вопрос, конечно, сложный... Сухумская тётя Лёля, в ранней ещё молодости, без родительского благословения, самовольно – закрутила роман с каким-то прибалтийским дипломатом. И сбежала, с ним. Вышла замуж и забыла, про отчий дом. В Сухуми... Вот латвийским дипломатом, или эстонским, был тётин Лёлин муж – Филипп Калиот (или Калеот), мне неизвестно. Известно лишь то, что с приходом советской власти в Прибалтику, бедолага Филипп был расстрелян. А жена его, тётя Лёля Петрова-Калиот, была отправлена, куда-то в Сибирь. Но, не в концлагерь, а на вольное поселение. В какую-то дереву. Где и пребывала она, с конца тридцатых – и до середины пятидесятых, годов. Жизнь там была нелёгкая, но сельские местные, её уважали. Было ли у неё, ещё какое-либо образование, кроме Института благородных девиц – мне не известно. Но несколькими европейскими языками, она владела. И кулинарить умела отменно. Также, была хорошей спортсменкой. В этих «сибирях», она дважды проваливалась, под лёд. Зимой. При переходе реки. И оба раза, ей удавалось выплыть, из-под льда. Что удавалось редкому мужчине-сибиряку. Сельские женщины её уважали: она им и кулинарные рецепты, диковинные показывала, и шить, и вязать не «по-сибирскому», обучала. Так вот и проходили сибирские будни тётя Лёли. Отпустили её, только, после смерти Берии. Тогда массово освобождали репрессированных.

Вернулась тётя Лёля, не в отчий дом, в Сухуми. А приехала туда, откуда её забрали. Толи – в Ригу, толи – в Таллин... Не обессудьте, уточнить мне – уже не у кого. Нашла там женщину, которая у них работала, «по дому». Наёмная работница, короче. Не хочется писать – «прислуга» ... И эта женщина, по прошествии, более полутора десятка лет, говорит бывшей хозяйке: «Вот, Елена – мне удалось спасти вот эти, эти, и эти – ваши вещи. Из числа мебели, посуды и одежды! Когда те, которые вас увезли – вернулись, на следующий день. И взялись, выносить вещи, я начала скандалить: «Вы, куда – моё имущество тащите?? Это моё, и это – моё, мне бывшая хозяйка – всё это подарила! А я – пролетарий, меня нельзя раскулачивать! Я сейчас жаловаться пойду! К вашему начальству!». Те, носом «покрутили-покрутили», по телефону «позвонили-позвонили». Да и ушли. Более, никто, с тех пор не появлялся. За всё это время... Ошарашенная тётя Лёля, понемногу стала приходить в себя: «А, остался ли чемоданчик-несессер, зелёного цвета? Что с машиной, был «в комплекте? Там, всякие кружки-ложки, тарелки зелёные, пластиковые были? Для пикников, на природе?». А дело в том, что Филипп, каждые два года, менял автомобиль «Форд». На новую модель. Но всегда, все авто были зелёные. С чем это было связано, не уточнялось. Так вот, чемоданчик этот не находился в машине. На момент конфискации... А, по обычаю, заведённым Филиппом – лежал в углу платяного шкафа, или «гардероба». Вот и уцелел, этот несессер, с кружками и тарелками. Что и было предъявлено, изумлённой тётя Лёле. А вот теперь – самое интересное!!! Хозяйка «имущества» взялась, за один, из двух, зелёных, небольших, китайских термосов. Находившихся в чемо-

данчике. И открутила ту часть конструкции, которая удерживала стеклянную колбу термоса. Внутри внешнего, металлического корпуса. Каковы были эмоции отцовской тётушки, когда она увидела, что та долларовая «зачачка», которой они с Филиппом обмотали колбу термоса – цела и невредима?? И в одном термосе, и в другом! А бывшая "домработница", взяла и отвернулась. Молча...

Как долго и о чём, говорили эти две женщины, известно было только им. Фактическая сторона, оказалась таковой: Елена Васильевна приехала в отчий дом. В Сухуми. К тому времени, Сергей – её брат и отец моего отца, уже вернулся с фронта. Где был ранен, но отлежался в госпиталях. Демобилизовался он, незадолго до окончания войны. Отпустили его «по ранению». Но, жив остался. Повезло. Слегка отдохнув, Сергей Васильевич, вновь, устроился на работу. По своей специальности. До войны, он трудился бухгалтером. По странному совпадению, отец моей маман – также был бухгалтером. И даже, главным! На границе, с Афганистаном. В населённых пунктах: Мары, Иолотань. На реке Пяндж и в её окрестностях, он занимался такой важной сферой, как «потребкооперация». То бишь, торговля... Причём – приграничная! Это очень интересная сфера «межличностных коммуникаций». На границе-то... А вот, Сергей Васильевич, проживая в Сухуми – выдающимся коммерсантом не был. Был он, средней руки, бухгалтером. Человек, нрава спокойного – после ранения и госпиталей, довольствовался зарплатой. Бабушка моя, жена Сергея – после войны приболела. Но это отдельная тема, с медицинским уклоном. Об этом, расскажу позднее. Отчасти, выводы мои о состоянии бабушкиного здоровья – они, эти выводы, не являются профессиональными. Потому что я, не врач. Но болею, сам. Видимо, той же болезнью. Которая и передалась мне, генетически. Как я думаю... Болезнь эта не смертельная, она хроническая. Но – неизлечимая. О болезнях, позднее... Продолжим о содержимом зелёных термосов. Какова была общая обстановка в стране, в середине 50-х годов прошлого века, уточнять не буду. Хотя, думается мне, что точнее слов Аркадия Райкина, не найти: «Словом, обстановка была мерзопакостная». На момент, своего возвращения в Сухуми – тётя Лёля уже не застала там ни жены, ни сына своего брата Сергея. Моя бабушка уже развелась с мужем и забрав сына Юрия, вернулась в Баку. В отчий дом.

Годам, к 50-ым, по окончании школы, папаня мой оказался в Баку. В квартире, в которой ранее, проживала его мама. С самого, своего рождения. И до тех пор, пока Сергей Васи́евич, не увёз её в свой Сухуми. Переезд в другую национальную республику, это лишь на первый взгляд – совершенно безболезненная тема. На самом деле, не всё так просто... Сильным стабилизатором, здесь выступает русский язык. Население той, или иной республики, лучше, или хуже, но русским языком владеет. Но, не всё так ясно – бывает ребёнку. Ему нужны дополнительные разъяснения. Помнится, как папаня делился, со мной, своими школьными воспоминаниями. В бытность мою, ещё в начальной школе: «Нет, ну зачем нам, живущим в Абхазии, этот грузинский язык? Эта, никому не понятная письменность, ну зачем? Да этот грузинский, только, к экзаменам ближе, мы и начинали «учить-учить». В быту, этого языка и не слышно было». Для меня, этот момент был странным. Вдвойне. Наша ситуация, в Баку, была иной. Грузинский, а тем более, абхазский языки – были от меня несколько ближе, чем китайский, например. Но непонятны равностепенно. Более всего, поразила та эмоциональность, с которой папа мне толковал, о своих школьных затруднениях. В части региональной лингвистики. Видимо, детские воспоминания, оставили свой неизгладимо глубокий след, в папиной памяти. В части хитросплетений межнациональной политики. Того периода. В моём детстве, русский язык был практически единственным, используемым, в быту. Правда, он не был рафинированно чистым, как у теле- или радиодикторов. Присутствие массы, специфических, местных жаргонизмов, в бытовой, разговорной речи – особенным «моветоном» не считалось. Конечно, таким языком не разговаривали на официальных, или подобных таковым, мероприятиях. Но не владение русским языком – считалось явным признаком бескультурья и «дремучести». Но, тем не менее, школы с азербайджанским преподаванием, существовали. Их было меньше, но

они были. Выбор, между русским и азербайджанским, вариантами обучения – производили сами родители. В ВУЗах, также существовал азербайджанский сектор. Но, здесь – количество студентов, одной специальности, было равным. Во всяком случае, в том институте, где учились мои папа-мама, а впоследствии – и я сам.

Возвращаемся в Сухуми 1961-го года. На фото с автомобилем /номерной знак 56-17 ИУ/, слева направо – Петрова Елена Ильинична, в девичестве Суслова /моя бабушка по отцу/, Вера Васильевна Петрова и её сестра Елена Васильевна Петрова. В кепке, и с инжиром в руках – Николай Мясников. Бывший водитель, этого чуда немецкого автопрома. А я, на этом фото – отсутствую. Потому, что объелся инжира, в тёти Лёлином саду. И страдал остро, в связи с этим. Но поездка, в общем, мне очень понравилась. Масса впечатлений! Был совершен первый «поход на рыбалку». В городской черте Сухуми – протекает речка Сухумка. И впадает в Чёрное море. Но «консультантом», по подготовке к рыбалке – была моя любимая, бакинская бабушка. Которая хорошо разбиралась в школьном курсе математики. Что она и преподавала. А вот с рыбалкой, у неё не сложилось... Поэтому, на канцелярскую скрепку и картонную блесну – рыбы не могли клюнуть. По определению. Так что первая моя рыбалка – была неуспешной. Зато, днём позднее, был совершён визит в обезьяний питомник. Вот это, было уже интереснее! Но обезьянки, взаимного интереса, к посетителям не проявляли. На людей они глядели, как-то настороженно. Покормить обезьянок, чем-либо – не удалось. Служители питомника, активно пресекали попытки посетителей. Видимо, это объяснялось тем, что заведение – не было подразделением зоопарка. Вовсе. Обезьян здесь содержали-разводили, для дальнейшего использования в медицинских, и иных экспериментах. В «космических», наверное, в том числе. Иногда, питомцам удавалось «совершить побег», из клеток. Но не часто... Однажды, это когда ещё бабушка с папой-подростком, ещё жила в Сухуми – обезьяны совершили «массовый побег». Их ловили по всему городу. Выловить-то выловили, но «братья наши меньшие» – достаточные беспорядки устроить успели. И местные жители, настороженно относились к обезьянам, побаиваясь всяческих инфекций. Кто ж его знает, какие там эксперименты ставят...

В числе других «культурно-массовых» мероприятий, которые я посетил с бабушкой – был просмотр кинофильма «Собор Парижской богородицы». В летнем кинотеатре. Содержание фильма, как-то не отложилось в памяти. Внимание сосредотачивалось на другом. Пойдёт ли дождик? Всё шло, именно к этому... Но, пронесло! Гроза началась, уже на подходе к дому. Сильное впечатление осталось у меня, от этой грозы! Дело в том, что несколько дней, я жил ожиданием прихода, в Сухумский порт корабля «Адмирал Нахимов». Анонс этого мероприятия, публиковался в местной прессе. Городок невелик и население находилось, в предвкушении. Некого зрелища. Ну хоть, какого-нибудь... Днём – пляж, а вечером? Телевидение тогда, уже было, но скучноватое. Да и телевизоры – были не у всех. И вот, стоя у окна, в кухне, я смотрел в темноту неба. Разрываемого ослепительными вспышками молний и оглушительным грохотом грома! Освещение в кухне было специально выключено. Для придания обстановке – большего драматизма. Держась за подоконник и широко расставив ноги, я воображал себя, стоящим у руля судна. Застигнутого морским штормом. За окном, почти вплотную к дому, раскачивались, на ветру, многочисленные фруктовые деревья. Которые, в моём воображении – играли роль морских волн. За иллюминатором, воображаемого судна. Во время «плаванья», мой ковчег – повреждений не получил. И «команда», нисколько, не пострадала. На этом, псевдо-морское приключение и завершилось. А спустя пару дней, судно «Адмирал Нахимов» благополучно прибыло в Сухумский порт. Конечно, мы отправились на осмотр корабля. Но, как это было – я уже и не помню...

Ничего не сказал, пока что о матери Сергея, Елены и Веры Петровых – о Пелагее Матвеевне. Видел я её дважды, или трижды. За почти месяц пребывания, в этом доме. Она предпочитала находиться уединённо, в своей комнате. Но один из случаев нашего, с ней взаимодействия, выглядел так: на полу кухни, я заметил нечто, мне неизвестное. В длину, это неизвестное

– было не более спичечной коробки. И оно шевелилось. Не очень активно, но признаки жизни подавало. Неоднократно предупреждённый, о возможном столкновении с недружелюбными обитателями Сухумских пенатов, я вызвал бабушку. Она, в свою очередь, вызвала Пелагею Матвеевну. То есть – бывшую свекровь. Та, оценив ситуацию, вынула из каких-то кухонных закровов огромные ножницы. И ухватив этими ножницами, как хирург, пинцетом, фиксирует удаляемые запчасти организма, произнесла свой вердикт: «Это – скорпион!». И удалилась, держа ножницы, с трофеем на вытянутой руке. Затем, скорпион был выкинут в унитаз. И смыт водой. Бескомпромиссно! Так, я впервые, увидел живого скорпиона. Затем, в процессе дальнейшего знакомства, с этим миром – неоднократно, сталкивался с этими ядовитыми созданиями. В период своей армейской службы. На территории Азербайджана. Рядовой и сержантский состав, отлавливали их, при случае. Погружали в бензин. На неделю. В воде, эти твари не дохли. Но и признаков жизни – не подавали. По извлечении из водного, несколько суточного плена, они оживали, вновь. Поэтому – применялся бензин. Затем, пробензиненного скорпиона высушивали и заливали эпоксидным клеем. Который покупался в гражданских магазинах. Тогда, он лишь недавно появился в торговле. И не всегда бывал, в продаже. В итоге этих манипуляций – получался брелок, неотличимый, от янтарного. Со скорпионом, внутри. Такой трофей, каждый был бы рад увезти домой. Но удавалось, единицам. Слишком много факторов, должны были совпасть, воедино.

Ну, про шашлыки в сухумском саду, рассказывать не буду. Шашлыки, как шашлыки, ничего примечательного. Так и прошло моё знакомство, с Сухуми. И сухумскими родственниками. В семейной, устной летописи сохранился один, забавный эпизод. Из обратного пути, в Баку. Едем мы, едем... Самому мелкому, из всего экипажа бэхи захотелось «в туалет». Автомобиль был остановлен. Страждущий – высажен. Высаженный, на обочине дороги, посреди степи, в недоумении: «И??». Родители: «Ну ты же в туалет просился, вот мы и остановились. Чего ждём-то?». И указывают мне, на степные просторы. Я: «А горшок? Что я вам, кошка, или собачка? Горшок, где??». Каковой был выужен, из багажника. И выдан. Вот, так-то! Порядок должен быть, а не «хухры-мухры». Далее, по возвращении домой – жизнь моя продолжала течь заведённым порядком. К 8-ми часам утра, ни мамы, ни папы, уже дома не бывало. В 7.20 папаня пересекал порог квартиры. Мама выходила чуть ранее. Отец трудился в АЗНИПИ-нефть, на Монтино /район в Баку/, и ему хватало 40-а минут, чтобы дойти до работы. Скорым шагом. Предприятие это было, по сути – «научно-исследовательским институтом». А вот, маме надо было выехать за пределы города. И достичь посёлка Лок-Батан. Это 20 километров от Баку, южнее. Посёлок, возник ещё в начале нефтяного бума. При царе-батюшке. А при советской власти – значительно приумножился. По причине расширившихся нефтяных работок. Название маминой организации, как мне запомнилось, по сей день – ЦНИЛ. Затем переименовалось в ЦНИПР. Изначально, центральная научно-исследовательская лаборатория, по мере придания ей ещё и производства, поменяла и название, соответственно. Из всего «лок-батанского» периода своей деятельности, мама неоднократно, рассказывала об одном случае. Я, неоднократно, впоследствии возвращался к этой теме, настолько этот случай, показался мне примечательным. И поучительным... Работавшие, в этом посёлке, местные жители столовались в централизованном пункте питания, где питались и приехавшие из города, свою «на смену».

Уборка и вывоз бытового мусора\отходов, осуществлялась ответственным предприятием, ежедневно. Другое дело, что не со всех участков, в один день. Это всё происходило. Существовала какая-то очерёдность. Соответственно и персонал-мусорщики, были задействованы, согласно своего графика. Каждый. Так вот, был там некий работник мусорной команды, с длинными, как женские – волосами. Одет он был, как и все мусорные работяги. Во что-то замызганное и грязное. Когда он приходил в общественную столовую – народ, несколько сторонился. Это днём. А когда, вечером, после работы, умытый и причёсанный, в скромной, но

чистой одежде – он стоял в очереди, в кассу той же столовки, от него уже не шарахались. Более того, он привлекал общее внимание, самой культурой приёма пищи. Аккуратненько, ножичком и вилочкой, он орудовал в своей тарелке. Тётки, из числа тех, кто «сидел на кассе» и проби-вали чек – потом говорили о его чистейших ногтях. Что было фантастичным, в рабочей среде. А потом, хлоп... И он пропал. Спустя лишь пару недель, поползли разговоры. А ещё спустя, было объявлено, на политзанятиях – кем был этот мусорщик. Оказалось, что этот «деятель» – был офицером иранской разведки. В приличных чинах. Из иранской образованной и небедной семьи. И поэтому, товарищам советским трудящимся – следует быть бдительнее! Враг не дремлет!!! Вот такой случай. Конца 50-х, начала 60-х. В Лок-Батане. Управление «Карадагнефть». По аналогичному, если не поэтому, случаю был анекдот: разведка одной заокеанской страны, готовит суперагента, для переброски в СССР. Агент проходит всевозможные тренинги, вплоть до отработки реакции на вводную команду «крокодил справа/слева». Агент прыгает в соответствующую сторону, и наступив крокодилу на нижнюю челюсть, руками рвёт крокодила, вдоль хребта. Ну и тому подобные тренировки... Наконец, его забрасывают, на парашюте, в центр Сибири. Зимой. Приземлившись, закапывает парашют. В лаптях, плисовых шароварах и рубахе навывпуск – он выходит к населённому пункту. С гармошкой, в руках. На окраине, бабка тащит ведро с водой, из колодца. «Бабуля, дай водички испить». «Да чего ж водички – зайди в дом!». Поев борща, хлебнув бабушкиного самогона, подумал: «Этап внедрения – пока удачен!». А бабка спрашивает: «Милок, а ты – американец?». «Конец, бабка – майор контрразведки, я сгорел!» – думает агент. Но спрашивает: «Откуда вы узнали, это?». Бабка: «Да ты ж – негр!».

Каков был мой распорядок дня, как у не посещавшего детский сад, ребёнка? В 8.30 приходила бабулечка-няня и уводила меня. На прогулку, по садикам-бульварам. В процессе прогулки – съедался сухпай, выданный бабушкой. Это яблоко, бутерброд, пряник или нечто ещё. Затем, мы приходили к нянечке домой. И, следовал однократный приём порции, манной каши. Дальнейший часовой сон. У неё дома. Манная каша, нянечкиного приготовления – была ещё более ненавистной, чем домашняя. Днём заснуть, я не мог, даже дома. Ну нет желания, у меня – спать. Средь бела дня. Значит, следовал целый час – борьбы с собой и обстоятельствами. Всё это вкупе, меня настраивало – на, несколько, раздражённую ноту. Не помню, по какому поводу, я высказал своё неудовольствие. Но, помню только, как получил подзатыльник. В этот момент, я понял, что следует инициативу брать, в свои руки. И немедленно... Вечером, родителям и бабушке – я выложил весь пакет претензий. Про отвратительную кашу, в особенности. Про то, что спать днём – я не могу, не хочу и не буду! Ни при каких условиях!! И про подзатыль-ник, доложил... Ну и на том, «разбор полётов» был, окончен. Следующий день, начался, как обычно. Но, по окончании прогулки, когда мы прибыли домой к нянечке и я, только-только, приступил к сражению, с ненавистной кашей – неожиданно, проявилась моя маман. Не вникая в излишние разговоры, она продегустировала содержимое моей тарелки. Определив, что в каше отсутствуют молоко, сливочное масло и сахар, на приобретение которых нянечке выдавались денежные суммы, согласно калькуляции – мама объявила о разрыве нашей договоренности. Определить сумму, полагающуюся к выдаче, по причине окончательного расчёта – с налёту не удалось. Было договорено, что стороны обдумают свои позиции и встретятся в воскресенье. Будет произведён окончательный расчёт. На этом, мой контакт, с нянечкой – был окончен. Навсегда! Чему рад я был, безмерно...

По возвращении из Москвы, после обстоятельных и продолжительных рассказов, об уви-денном – я, пару-тройку дней, осваивал управление игрушечным автомобилем ЗИМ. Авто-мобильчик мне понравился! И я, с упоением, рулил и выруливал микро-лимузин. Дав мне недельку, для акклиматизации в родной квартире, папа провозгласил свой вердикт: «Итак, ребёнку уже 5 лет. Следует начать, готовить его к школе. Чтобы не хлопал ушами, в первом классе. Впервые столкнувшись с учебным процессом. Пусть приобретёт, хоть какие-нибудь,

начальные знания. До школы. Ответственной, за этот процесс – будет бабушка. Она есть бывший, школьный преподаватель. Ей и «карты в руки». Вот так и окончилась моя бесшабашная, детская жизнь. Начались суровые, учебные будни. В 8.00 – родителей, уже дома нет. Происходит «подъём». Мой и бабушки. В разных комнатах. На приведение «спального места» в порядок, умывание и первый завтрак – выделено 30 минут. В 8.30 я, уже, должен сидеть за столом. Как за школьной партой. Раскладывать букварь, тетрадку и карандаш. Через месяц, карандаш был заменен перьевой ручкой и чернильницей. Не такой чернильницей, как в школе советской – «невывливайкой». А чернильницей стационарной. Атрибутом, более или менее, «респектабельного» кабинета. С медной крышкой. Продолжительность урока – 45 минут. Перемена – 10 минут. После третьего урока – «большая перемена», 20 минут. Четвёртый урок – последний. На «большой перемене», сладкий чай с печеньем или бутербродом. Далее, как у классика: «История понеслась вскачь – звеня подковами, по черепакам дураков» ...

Да ничего нового нет у меня, дорогой мой Фейсбук! Новое начнётся на следующей неделе. Когда посылка дойдёт. А что в посылке, из интернет-магазина? Вот когда получу, тогда и расскажу. Чтобы никто не взглянул! Возвращаюсь в дошкольное, своё детство. Учусь я и учусь. Пишу домашние задания и контрольные. Сдаю тетрадки, на проверку. Бабушке. Которая выставляет оценки. Хорошо, хоть дневника не было... Тем не менее занятия по такой схеме – раздражения у меня, не вызывали. Равно, как и восторгов... Надо, так надо. Нисколько не перетруждаясь, я отучился «таким макаром», два года. Каникулы были, согласно школьного расписания. В итоге: верхней планкой, моего предела знаний, в части точных наук – оказалось умение, совершать четыре арифметических действия. С десятичными дробями! Дело было в том, что бабушка исходила из простой житейской истины: «грузи, пока грузится». И работала она, в школе – только, со старшеклассниками... Вот и получилось так, что курс «начальной школы» мною был уже пройден. Ещё, до поступления, в 1-ый класс. Никто бабушку и не оставил. Просто, было некому... Что имело некоторые негативные последствия. Позднее. И в чём это выразилось? А вот, в том. В свои-то 7 лет, в положенный срок – сажусь за школьную парту. В восьмилетней школе №3, города Баку. Вдруг, начинаю понимать, что я чего-то не понимаю. Меня окружают инопланетяне. Или, всё ещё хуже... Инопланетянин – я сам. Вокруг, все дети, как дети. Подвижные, позитивные. Но ни читать, ни писать – не умеют! Что меня повергло, в состояние лёгкого шока...

Но, как человек практичный, я понял – что случилось, то и случилось. Надо расслабиться и получать удовольствие. Вот теперь и начался отдых! Никаких домашних заданий и прочей мути. Всё ведь и так известно... Ничего экстраординарного, за период, с первого и по четвёртый классы, не приключилось. Такого, что врезалось бы в память. Хотя, определённо, негативный осадочек у меня остался, от одного случая. В третьем, кажется, классе это было. Сзади меня сидели два типа, из числа непроходимых двоечников. И вот, на какой-то контрольной по арифметике, просят они, чтобы я им написал решение задачки. На бумажке. По времени, это нисколько меня не затруднило, я вполне успевал закончить и свою работу, и им написать. Урок закончился, все подавали свои тетради училке. Прозвенел звонок – выходим, из класса. Один, из этих типов, подходит ко мне и протягивает монетку, трёхкопеечную. Я: «Что это?». Он: «Это тебе. За сдувалку». И суёт мне эту монетку, в нагрудный карман школьной формы. Поворачивается и отбегает. Каков был товарный эквивалент, трём копейкам, тогда? За три копейки – можно было выпить газированной воды, с сиропом. Из автомата. Автоматов с газировкой, ни в школе, ни в пределах пяти кварталов – не было. В школе был буфет. Где мы и подкармливались. Но здесь, уже начиналось ощущаться пресловутое "имущественное расслоение». Покупательная способность в разных семьях – была различной. И это уже было заметно, детям. Пять копеек стоил бублик. Или пирожок с картошкой. Пирожок с мясным фаршем, как-то не припоминается. Из числа ассортимента школьного буфета. Пирожки, с фаршем – продавались в районе метро «Баксовет». Это кварталов шесть, от школы. Но, зато в школьном

буфете, продавалась «котлета в тесте». По цене 10 копеек. Именовался этот продукт, на нашем сленге – «черепаха». Визуальное сходство имелось. Из теста, выглядывали «голова» и «хвост». Котлета, с кусочком белого хлеба, также стоила 10 копеек. Бутерброд с ломтиком колбасы, оценивался в 10 копеек. Булка стоила 10 копеек. Но ценовым апофеозом, школьного фастфуда – была сосиска, с хлебом. За 15 копеек. Такую, пятнадцатикопеечную, роскошь могли себе позволить два-три человека. Из класса, в 35 шалопаев. К чему я, столь подробно, перечисляю ассортимент буфета?

К тому, чтобы было понятнее, почему я не воспринял трёхкопеечную монету, засунутую мне в карман – за деньги. Ведь, на 3 копейки, ничего толкового купить нельзя. Нет, ну можно приобрести три коробка спичек, можно на трамвае проехать. Спички мне не нужны, трамвай в нашем районе, не ходил. стакан воды газированной, с сиропом – тоже, «не вещь». Вопрос, с газировкой, в нашем доме – был решен кардинально. Раз в три года, папаня заправлял баллон пищевой углекислотой. Баллон этот был от тормозной, или какой другой системы, неизвестного мне механизма. Длиной сантиметров 60, диаметром 20. Оснащён этот баллон был ресивером, как на газосварочном аппарате. Собственно, он, как раз оттуда-то и был. От газосварки. И вот, заправив этот баллончик, до давления 80 атм. – папа угощал нас холодной газировкой. Это было особенно ценно – жарким летом. Ложка варенья, достойно, заменяла сироп. А в более прохладные периоды года, баллон просто пылился. В углу прихожки. Ожидая следующего сезона. Исходя из этого, всего – вывод. Три копейки, деньгами не являются. Поэтому, можно и не заморачиваться. Но история, начала приобретать детективный окрас! Закончились наши четыре урока. Началось время «продлённого дня». Так именовалось продолжение школьных занятий, для желающих. «Вторая смена», как бы... За три рубля, в месяц – ученик получал обед, из трёх блюд. Стандартный «столовский» ассортимент. Первое, второе и компот. Либо – кисель. Учащиеся первого класса – после прогулки и обеда, укладывались спать. На один час. В кровати, с чистым бельем и полотенцем, на спинке. Далее, дети работали над «домашним заданием». Под надзором, уже другого преподавателя-воспитателя. К пяти часам, вечера – всё... Все свободны. Бегом, домой!

Когда начались занятия «группы продлённого дня», по окончании основных уроков, эти два типа нажаловались воспитательнице-преподавательнице. Мол я, продал им сдувалку, по заранее, достигнутой договоренности. Началось разбирательство. Чую – надо выкручиваться активно. Видимо, мой «ангел-хранитель» надоумил меня – сказать «ложь во спасение». Передачу шпаргалки, я не отрицал. Признал сразу. А про несчастные три копейки, я и глазом не моргнув, сказал – что это такое. Я «задвинул», что на прошлой неделе, один из этих «бойцов», взял у меня 5 копеек, в долг. И вот, вернул только три! И ещё, при этом, шутит глупые шутки. Такого поворота не ожидал никто. А я уперся в эту версию. И повторяю одно и тоже, вновь и вновь... Училка, увидев тупиковость ситуации, заглушила тот гвалт. Сказав мне и этим «деятелям», чтобы родители в школу пришли. Родителям своим, ничего я не сказал. Естественно. А у одного из этой пары, мать работала поварихой в детском саду. То, что люди, которые напрягаются в пищеблоке, не в ладах с законом бывают – мне уже было известно. Из телевизионного и газетного контента. Иногда, кого-то, на чём-то – ловили. Одна фраза из кинофильма «Операция Ы и другие приключения Шурика», по поводу предстоящего ограбления склада: «Всё уже украли, до нас...» – чего стоила! Возможно, до поварихи весь этот «расклад», с тремя копейками, доведён был. Возможно, это возымело какое-то действие. Итог был таков, что дальнейшего распространения, эта история не получила. Но урок, был получен. И вывод усвоен... На перспективу. Спустя месяца полтора, перед тем, как маман, должна была посетить родительское собрание, посвящённое итогам учебной четверти, я, «сгладив острые углы» – посвятил родителей, в подробности. Папа дал маме поручение, «разобраться и доложить». Подробности всех разговоров и переговоров, до меня доведены не были. Спустя день, папин резюмирующий вывод, прозвучал так: «В другой раз – не зевай, будь начеку!».

Пожалуй, воспоминания о начальной школе завершаются. Ничего особенного, вроде бы не происходило, более. Но вне школы, жизнь кипела! За тот период, неоднократно, мы посетили минводские курорты – Кисловодск и Ессентуки. Летом, конечно. Потому как появился повод минеральную воду пить – я переболел желтухой. Так вот – моя печень стала объектом пристального маминого внимания. Мама была химиком-технологом, но всю свою жизнь укоряла себя, за то, что не стала врачом. Её сожаления о неверно выбранной профессии, воплощались в повышенный интерес к публикациям журнала «Здоровье». Мама была продуктом своей эпохи и верила многому, чему сейчас веры никакой. Ну, такова была специфика, того периода. В то время, мама уже не работала в нефтепромысловых лабораториях, а отучившись в аспирантуре, перебралась в институт АЗИНЕФТЕХИМ. На кафедру органической химии. Где и проработала, вплоть до самой пенсии. Она занималась работой со студентами-иностранцами. Курируя иностранные группы. Уделяла большое внимание научно-исследовательской работе. Коренным образом, советский подход – отличался от западного. Там, если открывается коммерческий интерес к разработке определённой темы, то и исследования начинаются. Просто так, «от научного любопытства», никакие работы не ведутся. Кто платить-то будет?

Дорогой Фейсбук, ничего нового нет. Вот, о прошедшем, воспоминания пишу. О жизни и быте, времён моего детства и юности. Ведь, нынче – столько мифов бытуют и тиражируются, на тему «хочу в Советский Союз». Однобоко представляя объёмную и многоцветную картинку. Поэтому, не удержусь. И приведу соответствующий теме анекдот. Из далёкого и незабываемого. Итак... В детском саду, воспитательница говорит детишкам: к нам придут кино-фото корреспонденты, из разных газет. И, иностранная делегация! Что иностранцы будут спрашивать, отвечайте – «в Советском Союзе». Сказано-сделано. Иностранные дядечки и тёточки спрашивают детишек – «где самые лучшие мальчики и девочки?». Дети, хором – «в Советском Союзе!». Иностранцы – «где самые хорошие воспитательницы детских садов?» Детишки – «в Советском Союзе!». После вопроса – «где живётся лучше всего?», детвора ответила неизменное «в Советском Союзе!». А Вовочка отошёл в уголок и начал плакать, навзрыд – «хочу, хочу в Советский Союз!». Такова была эпоха. Со своими плюсами и минусами. Особенно раздражала разница между телевизионно-газетной картинкой и реальностью. Вот, СМИ надрываются о невероятных достижениях сельского хозяйства и пищевой промышленности, а в магазинах – скудный ассортимент. По этому поводу, бытовала шутка «пережили блокаду, переживём и изобилие!». Или... В регистратуре поликлиники, человек просит номерок к специалисту «глаз-ухо». Медсестра отвечает – «нет такого доктора, есть ухо-горло-нос». А пациент – «глаз-ухо доктора, мне!» На шум, приходит главврач – «а какие симптомы у вас, на что жалобы?». Пациент – «вот не вижу, того – о чём слышу!». Ну, что же тут сказать, народная молва – она верная... Официально тиражируемое ханжество власти, создавало благодатную почву для народного, устного творчества. Причём реакция на различные события и новости, освещаемые официозом – следовала незамедлительная. О причине такового явления, бытовали предположения разные. Одни люди разделяли мнение о том, что все критические анекдоты – генерируются в подвалах Лубянки. Другие были уверены, что все ползёт, по тайным каналам, из дальнего зарубежья. Третьи считали, что справедливы оба варианта. Вопрос, лишь – в пропорции... Откуда больше.

А вот опубликовал я мамкины похвальные грамоты и подумал о том, что стоит, чуть углубить эту тему. Поначалу-то, хотел упомянуть эти подробности, когда буду описывать свою учёбу. В этом, славном заведении. Без преувеличения, АЗИНЕФТЕХИМ – был вторым, по степени авторитетности, нефтехимическим ВУЗом сссрии. Первым являлся – институт имени Губкина, в Москве. На студенческом сленге, «керосинка». В фундаменте, преподавательского состава, бакинского ВУЗа – была ещё царская профессура. Ныне – это Национальная Академия Нефти Азербайджана. Учебное заведение, с достойными традициями. Из числа широко известных выпускников, можно назвать: наркома НКВД Лаврентия Павловича Берия; прези-

дента ЛУКОЙЛа Вагида Алекперова; Жолобова Виталия – космонавта; Затуловскую Татьяну – известную советскую, затем израильскую шахматистку; Муталибова Аяза Ниязовича – первого президента Азербайджана; Рустама Ибрагимбекова – писателя и кинорежиссёра; академика Сеид-Рза – директора АЗНИПИнефть, где почти всю свою трудовую жизнь, проработал мой отец; ну и Эдуарду Душ Сантуша – президента Анголы. Который, был студентом моей мамани. Так что – мама внесла свой, пусть и микроскопический, но всё-таки, вклад. В ангольскую-то жизнь. Хотя, никогда там и не бывала! Ха-ха-ха... Это я перечислил лишь очень малую часть, из длинного списка. Многих других, достойных и широко известных людей. Более глубоко, интересные, более или менее значимые факты нашей жизни – нынче, описывает Википедия. Наряду со многими иными, аналогичными сайтами. По большому счёту, мы находимся в новой реальности. Текст, комментировать и редактировать который можешь и ты, дорогой читатель – рождается здесь и сейчас! Забавно то, что в не столь далёкой перспективе – бумажная версия данного опуса будет доступна, для приобретения. За невеликие деньги, на просторах книготорговли. По-моему – прикольно!

Возвращаюсь к периоду моей начальной школы. Там ещё осталось кое-что, требующее упоминания. Как не вспомнить о том, что немалое время, стал я уделять теме аквариумных рыбок. Мероприятие, с точки зрения моих родителей – не рискованное. Вполне отвечающее их критериям безопасности. И не шибко затратное! Не шумное, не грязное – в быту. А началось с того, что маманя принесла с работы эксикатор стеклянный, с крышкой. Описывать словами форму этой ёмкости – слов будет много, а толку мало. Воды в нём помещалось, около ведра. Проще поступим – вбейте в поиск браузера: эксикатор. У них, там, в лаборатории – произошло списание некоего оборудования и прочей посуды. И кое-что, не совсем уж неприменимое в домашнем быту, было сотрудниками унесено домой. При совдепии, это сильным преступлением не считалось – с работы, что-нибудь спереть. Ведь, теоретически – «всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». Собственность-то на всё – общенародная. Но могли рассмотреть и как «хищение». А это уже уголовщина! Вот в этом и отражалось двуличие совка, в частности... Мамане, в тот раз, достался эксикатор. И ещё стеклянная ёмкость, литров на шесть-семь. В форме параллелепипеда. Или кирпича. Это, для тех, кто забыл названия объёмных геометрических фигур – напоминаю. Практическое применение трофеям, моментально нашёл отец: «да это же аквариумы готовые! Вот и рыбок заведём, декоративных. Пусть дети развлекаются...». Так и прописалась, на несколько лет, аквариумная тематика, в нашем доме. Было занятно. До зоомагазина, можно было дойти пешком, минут за двадцать. А вот обратно – слегка дольше идти приходилось. Потому, что путь «туда», был «в спуск». Соответственно, «обратно» – уже «в подъём». Это, по улице Низами. А в воскресенье или субботу, можно было совершить вояж и на колхозный рынок. Что напротив цирка. Но пешком, туда уже «не дотянуть». Выручал троллейбус. Восьмой номер. В зоомагазине, возможно было приобрести только «сухой корм», для аквариумных рыбок. «Живой корм» приобретался на рынке. И тащить его надо в банке с водой, в троллейбусе. Поэтому, рынок посещался гораздо реже магазина.

Дело постепенно осваивалось, если говорить о расширении материально-технической базы. В торговле появились аквариумы шарообразной формы, 12-15 литровые. На подставке из металлического прута. Новинка была приобретена, незамедлительно. Затем, папа соорудил электронасосик, для нагнетания воздуха. В готовом виде, такие штуки не попадались. Они существовали, но не в госторговле, того периода. По мере освоения аквариумной темы, были найдены водоросли, с повышенным выделением кислорода. При хорошем освещении, пузырьки газа достаточно активно возникали на поверхности листьев водорослей. Не помню их название. А лазить в поиски такового, в дебрях Интернета – не буду. Скажу лишь о том, что от использования искусственной аэрации отказались. Правильно подобранные параметры содержания аквариума, позволяли не менять в нём воду, месяцами. Для очистки стеклянных стенок аквариума – служили улитки. Для утилизации отходов рыбьего пищеварения, были осо-

бые рыбки. До сих пор, помню название этой породы – каллихты. Или «аквариумные сомики». Действительно, несколько похожие на сома. Но размером – сантиметра три, или четыре. С усами, как у Тараса Бульбы. Флегматичные, донельзя. Постоянно, лежали на песчаном дне аквариума. Песочек, кварцевый – тоже был лабораторного происхождения, кстати. Из числа моих одноклассников, ещё лишь только пара человек занимались рыбками. Это увлечение, не было массовым. По причинам, описанным выше. Из числа других хобби, постепенно осваивалась мною чёрно-белая фотография. Цветная – была уделом профессиональных фотографов. Слишком муторно-сложной и капризной была тогдашня технология цветного фото. Первые мои фотки – были сделаны камерой «Любитель». Которую мой папахен, «Кулибин домашнего разлива» – переделал под «нормальную» плёнку 35 мм. И предоставил в полное моё владение. Сам он пользовался камерами «Зоркий» и «ФЭД». Изначально, сей раритетный аппарат, «Любитель» – был изготовлен для широкой плёнки. Без перфорации. Ну не поленились, вбейте в поиск – «фотоаппарат Любитель». «Фоткать»-то сейчас, все умельцы! Гаджетами, самыми разнообразными. А вы взгляните, чем предыдущее поколение управлялось. Это уже история...

В начале пятого класса, фотографическая тема получила знаменательное, для меня, развитие. Советская школа предполагала следующую градацию, относительно возраста учащихся. С 1 по 4 класс – начальная школа. Отучившийся 8 классов – получал неполное среднее образование. А вот, проведя в школьных стенах 10 лет, подросток обладал уже средним образованием. Преодолели мы первую ступень образовательной иерархии. Наша классная руководительница, проводившая у нас все уроки – ушла на пенсию. Зоя Егоровна Дадашева – была неплохой тётушкой. Неистеричной, незлобной, вполне адекватной. Моя первая школьная училка, никаких отрицательных воспоминаний о себе не оставила. Равно, как и особенных восторгов. Зато, дальше – пошло резче! С пятого класса, началась у нас уже другая схема преподавания. Более профилированная. Каждый предмет – преподавался своим носителем знаний. Сколько предметов, столько и преподавателей. Классным руководителем, к нам, был назначен преподаватель физкультуры – Шанаев Рустэм Русланович. Школа наша являлась восьмилетней и особыми победами, на городском образовательном горизонте, отмечена не была. Чего нельзя сказать о достижениях на аренах спортивных. Физкультура была поставлена хорошо. Школа имела отдельно стоящее здание спортзала. В одной из раздевалок, был даже душ. На четыре или пять сосков. Всего раздевалок было две. Одна мальчишечья, другая девчачья. Мальчишечья раздевалка располагалась в помещении, с душем. То есть – в душевой комнате. С кафельными стенами и полом. Но просто, с неработающим душем... Во дворе, была продублирована баскетбольная площадка. Можно было и волейбольную сетку натягивать. Так что, футбол, волейбол и баскетбол можно было играть – либо в помещении, либо под открытым небом. В зависимости от сезона. В зале был канат, прикреплённый потолку. Имелись как «козёл», так и «конь» – для гимнастики. Целая пачка «матов», в чехлах из искусственной кожи. Или брезента. Использовались для прыжков в длину и в высоту. Чем они были внутри набиты – неизвестно. Наверное, плотной ватой. Это свидетельствует о том, что чехлы рваными не были. А были они тяжеленными. Один человек тянул этот мат по полу, за одну из четырех, мягких ручек – с заметной натугой. Зато, вчетвером – можно было перемещать этот матрас «навесу». Без контакта с полом. Было ещё у нас пару столов, для настольного тенниса.

И вот, начались занятия в пятом классе. Первую неделю, наш новый классный руководитель, радостно рассказывал нам, насколько высоко в районном и городском отделах народного образования, оценивают достижения школы №3. В части спортивных рекордов... Которые, состоялись благодаря активной жизненной позиции, наполненных подростковой энергией учащихся и мудрому его руководству. Так, для поощрения хороших и порицания плохих ребятшек – выпускалась еженедельная стенгазета. В стиле, очень популярного тогда, журнала «Крокодил». Версия юмористического журнала, в исполнении нашей школьной редколлегии – состояла из рисунков карикатурного содержания. Высмеивающих двоечников и разгильдяев.

Соответственно, публиковались достижения хорошистов и отличников. Рисунок, на ватманском листе, выполнялся акварельными красками. А физиономии учащихся, вырезались из фотокарточек. И наклеивались на соответствующие места живописи. Проблема была в отсутствии стабильной базы фото-данных. Отличники радостно тащили свои фотки, из дома. Чего не делали двоечники. Которых фоткали, в принудительном порядке, редкие активисты, из числа преподавательского состава. А у меня дома, под папиным руководством, получались стабильно-качественные фотографии. Так вот, к дню моего рождения, в конце августа, папахен подарил мне новый фотоаппарат «Чайка». Опять, отсылаю к поисковой строке браузера – всех желающих увидеть этот перл советской фототехники. Камера «Чайка» отличалась небольшими размерами, хорошим углом зрения 56 градусов и большой «глубиной резкости». Что означает качественное, резкое воспроизведение как первого плана, так и «задника», в кадре. Но основное преимущество было в том, что эта камера, на стандартной плёнке – делала не 36, а 72 кадра. За счёт того, что кадр был меньше. В два раза. Но благодаря удачной оптике, качество нисколько не страдало. Короче говоря – это было очень хорошим образцом советского фотопрома. И всего, за 22 рубля. Против 50-60 рублей за «ФЭД», или 16 р. за «Смену». Так, когда наш классный руководитель Шанаев спросил: «кто умеет фотографировать, у кого есть фотоаппарат?», я радостно признался, что отвечаю критериям поиска...

«Вот и принеси фотоаппарат, в понедельник» – сказал Шанаев. Так и было сделано – в назначенный день, я притащил в школу, свою обновку. Папа снабдил меня ещё фотоэкспозиметром. Для определения выдержки и диафрагмы. Назывался этот прибор – «Ленинград». Стоимостью около десяти рублей. Но приобретя эту полезную штуку, фотограф был гарантирован, от ошибок. Коробочка работала отлично – все фотки получались качественные. В части экспозиции. Размером эта радость была – с сигаретную пачку. Висела на шнурочке, на шее. Ни батареек, ни аккумуляторов, в ней не было. Указующая стрелка перемещалась за счёт электричества, полученного в фотоэлементе. И двигалась она, как было отмечено выше – всегда правильно! Рустэм Русланович назначил днём фотосъёмки понедельник, потому что в этот день, «по расписанию», у нас была физкультура. И вот, мы приступили! Фоткались, по три человека. Один кадр «анфас», и два «в профиль». Вправо-влево. С шутками и прибаутками, мы сфоткались! Несколько дней спустя, фотографии были готовы, и я притащил плоды своих трудов, в школу. Конечно, в организации процесса «печатания карточек» – папа принимал своё руководящее и направляющее участие. Фотолаборатория, у нас дома – разворачивалась, в проходной «прихожке». Поэтому, все непричастные к «действию», блокировались в жилых комнатах. Оказываясь отсечёнными, от «санузла» и кухни. И так, в школе, фотографии были признаны качественными. Собственно, таковыми они и были, чего уж там! Даже «отглянцованные», а не какие-нибудь «матовые». Для непосвящённых в тонкости чёрно-белой фотографии, советского периода – поясняю. Существовал такой прибор – «фотоглянцеватель». На две зеркально-полированные пластины, прикладывались, а затем прижимались мокрые фотоотпечатки. Прибор нагревался от электросети, фотки высыхали. Подавая сигнал, о своей «готовности» звуками типа «шелчок». Это вам не цифровые фотки, эта канитель была знатная... И качество, и скорость изготовления продукции, обрадовали нашего классного «руководя». Эксперимент, был признан удавшимся! И пришлось распространить этот опыт, на все остальные классы. Кроме начальных – не доросли ещё... Как выяснилось, в школе существовал «совет физкультуры». Состоял он из активных учащихся. В основном – девчонок. Но «физорги» классов были включены, сообразно своему статусу. Поясняю, кто таков «физорг» – это староста класса, на уроках физкультуры. Из числа наиболее спортивных учеников. Спортивность ставилась во главу угла, на этапе отбора. Эти пацаны были таковыми. Но «слабо», или «средне» успевающими. В части учёбы... В основном.

Воспоминания, воспоминания... По любому поводу, отсылаю читателей – к строке поиска браузера А вот, думаю, сам обращайся-ка. Потому, как начал часто упоминать Рустэма

Руслановича... Фигура-то, он, неоднозначная! Ну, ладно, вобью Шанаева, в поиск. Всесильный Интернет выдал сразу: «форум на сайте школы №6». И что вижу?? Некому собеседнику, или shirshov просто пишет о себе: «учился я в школе №3 с 63-го по 71-й, затем перешёл в 18_». Расшифровываю: я-то учился в школе №3, с 64-го по 72-ой. По окончании, перешёл в 160-ю. Невыясненный Shirshov перешёл в 189-ю. Хотя, вместо девятки в тексте Ширшова стоит знак «нижнее подчёркивание» – понятно, куда он подался, окончив восьмилетнюю школу №3. А улица Ширшова перпендикулярна моей Колодезной, улице. И протяжённость этой улицы Ширшова – 3 квартала. То есть этот человек, старше меня на 1 год. Бывший, значит сосед, по району... Начал перебирать в памяти, кто это? Годом старше меня, на Ширшова жил Фима Лившиц. На Ширшова выходил балкон Асифа Бахшиева, но его дом числился по улице Мухтадира. Всё, память исчерпана... Ну бог с ним, с shirshov-ым. А пишет он на сайте 6-ой школы, потому что Шанаев сам-то и перешёл, в шестую школу. Как только выпустил наш класс, так и ушёл из третьей школы. Насколько до меня дошли тогда слухи – его побили ребята, из «Крепости». Это тот район, где Никулин и Миронов падали, поскользнувшись. С возгласом: «Чорт побери!». В «Бриллиантовой руке». До шестой школы – садик перейти. При царе – «Губернаторский», а при совдепии – «Пионерский». И ещё один квартал пройти, к фуникулёру. Там и школа, шестая...

Начал вспоминать про Шанаева – о отдельном обучении мальчиков и девочек, подумалось. Существовало оно при совдепии, в тот период, когда сам Рустэм Русланович был школьником. Что и наложило на него своё, отрицательное воздействие. Но, об этом – чуть позднее... Следуя точной хронологии событий, следующим знаменательным, для меня, событием – оказалась наша экскурсия. В эскадру «малых торпедных катеров». Эта войсковая часть, морского базирования была в районе судоремонтного завода имени «Парижской коммуны», что «на продолжении» городского бульвара. В сторону Баилова. В дальнейшем, после иранской революции 1978 года, подразделение было переведено, из городской черты. Как американцы ушли из Ирана, так и на нашей стороне, что-то поменялось. В связи с изменением иранского уклада жизни. С монархического, шахского – на «исламскую республику». Москва посчитала, что на водных просторах – Иран, уже не противник. Боевых плавсредств, у них, нет... И вправду, военного флота Иран не имел. А зачем он ему, на Каспии? С кем воевать-то? С Советским Союзом, находясь под управлением США? Но о связанных с иранской революцией событиях, из которых, лично я извлёк немалую, материальную выгоду, так о них – позднее... Про то, что мы пойдём с экскурсией, в военную часть – предупреждение было. За неделю, ранее. А ведь, сов. пропаганда, сама выращивала нас на «боевиках», своего разлива. Про шпионов. И доблестную контрразведку, советскую. Вот я и задумал, проверить «боеготовность», на флоте! В назначенный день, в субботу, мы пришли в праздничном настроении. И наряде. В белых сорочках и красных галстуках. Хотя, галстуки пионерские, мы носили в школу, уже – в карманах. В пятом классе. Но, если какое мероприятие, то явиться всем, по полной форме! Фотоаппарат я повесил на штатный шнурок. И на шею. Значит, висел он – «на пузе». Приводить фотик в «боеготовое» состояние, надо было одним лишь рычажком. А не как «Смену» – крутить шкив, переводя кадр. Затем, ещё и затвор взвести. На моей «Чайке», и затвор взводился, и плёнка перематывалась – одним движением. Большого пальца правой руки. Так что фоткать можно было, не поднимая аппарат к глазам. А просто, левой рукой придерживать камеру, правой – взводя затвор. И поворачиваться к фотографируемому объекту – всем корпусом. Затем, указательным пальцем, правой руки – произвести спуск затвора. «Вуаля!» Акт шпионажа произведен. Скрытно...

Прошло несколько дней, я распространил следы работы «матёрого шпиона» среди своих одноклассников, присутствовавших на этой экскурсии. Несколько дней, тема обсуждалась нами, во всех подробностях. Затем – интерес, постепенно угас. Другие впечатления, заняли умы подростков. Спустя недельки полторы, я обратил внимание, что валявшиеся дома, на

моей полке фотки «как испарились». Вместе с фотоплёнкой-негативом. Я спросил домашних: «никто не перекладывал искомое, куда-нибудь? Но ничего конкретного, в ответ, не услышал. Кроме папиного: «занимайся уроками и забудь про эти фотографии». Аккуратно, поинтересовался у одноклассников: «не заметил ли кто-нибудь чего-то необычного, в последнее время, у себя дома?». Кто-то не обратил внимания на мой вопрос, кто-то пожал плечами... А пару человек сказали, что отметили пропажу фотографий, с экскурсии. Больше, об этом, и ни я, и никто не вспоминали. Каково же было моё удивление, когда одна из этих фоток «всплыла». Не буквально, «из воды». А из других, совершенно, сфер. И произошло это, в бытность мою, «под знамёнами» советской армии. Дойдём и до этого. В порядке хронологической последовательности. «Дотелепаемся» до 1976-го года и всё станет – «на свои места». А пока, вернёмся в мой пятый класс. Школьная стенгазета с фотографиями отличников и двоечников-разгильдяев стала весьма популярным событием. По понедельникам. Вывешивалась она на стенде, либо первого этажа, напротив буфета, либо на втором этаже. Рядом с «учительской» комнатой. Но тогда, учащиеся младших классов, а они базировались на третьем этаже трёхэтажного здания – проскакивали мимо нашего второго этажа. Спускаясь-поднимаясь по лестнице, напрямик. С первого – на третий и обратно. То бишь, они не были охвачены «пропагандой» здорового образа школьной жизни. А это упущение!

А ситуация с фотографированием всех учащихся школы, сложилась такая – папаня узрел, что дело с изготовлением фоток, всех учащихся школы, в анфас и профиль, из материалов фотографа – обременительно и несправедливо. Расходуется время учащегося, не на занятия, а на общественную работу. Ещё и все затрачиваемые компоненты, не являются бесплатными. Так что, условия несуществующего договора, следует пересмотреть. Непременно таким образом, чтобы я не истощал папины запасы проявителей, закрепителей и фотобумаги. Эксплуатация оборудования, то бишь фотоувеличителя, ванночек-кювет и таймера выдержки – допускается. Без ограничений. При условии аккуратного обращения. А вот фотобумагу и химикаты – за счёт заказчика. И не иначе! Требования эти, были Шанаеву изложены. И соответствующее решение, было им принято. Состояло оно в том, что с каждого школьника, кроме начальных четырёх классов, собирают по 20 копеек. По субботам. Ну, если кто не может выделить такую сумму, для родного учебного заведения – так это «совет физкультуры школы» переживёт, конечно. В надежде, что перебои с платежами не будут постоянными. Сдашь, мол, когда деньги будут. Собирали денежки – физорги классов. Каждый, в своём. Касса хранилась у Шанаева, в кабинете. В спортзале.

Вот так и наладилось производство фотографий. Для общественных нужд. Паренёк я был, уже достаточно наблюдательный. Стало мне понятно, что расходование собранных средств – контролируется слабо. Просто контролёры эти – из числа «актива» Шанаевского, физкультурного. Ни бухгалтеры они, и не фотографы. И даже, не товароведы фотомагазина. А это означало, что между полученной, из «закромов» суммой и затраченной реально – может быть некоторая, никому не подконтрольная «дельта». Главное – «не борзеть»! Аккуратно и неспешно... По тем временам, моим малолетним – хоть какая-то прибавка, к карманному бюджету. Фотографии постоянно исчезали из школьного «банка данных». Хранились фотки в Шанаевском кабинете, в спортзале. В не запираемом ящике письменного стола, канцелярского образца. Ребята, из числа «любимчиков-активистов», которым физрук доверял заниматься, в своём кабинете, общественной работой – потихоньку «тырили» свои фотки из «банка данных». Который был простой коробкой, от конфет. Шоколадных, с начинкой. О чём было на коробочке, без утайки и написано. А также, близкие друзья «доверенных лиц» – живо «интересовались» своими фото. Короче, приходилось вновь «допечатывать» недостающие фотки. Газета выходила исправно, без перебоев. Таким образом, ещё на самых первых шагах своей фото-деятельности – я стал, достаточно, популярным, у всей школы, «общественником». Уроками дома, я не занимался. Ни к чему это было – ведь всё и так известно. Бабушкины занятия

со мной, на тему «дошкольной подготовки» – дали возможность жить безбедно, до седьмого класса.

Эким образом, я попал в число школьных активистов. Тем временем, ни шатко, ни валко приблизились мы к окончанию первого полугодия, пятого класса. Погода, в том году – задалась, на редкость, непривычная бакинцам. Термометр показывал целых минус два градуса! Или один... В нашем понимании, общественная жизнь должна начинать замирать, при таких температурах. Обычно, зимой, ниже трёх-четырёх градусов, плюсовой шкалы – холодов не бывает. И то, не каждый год. Зато, ветрогон случается нещадный! Всё-таки побережье, где ничто не тормозит массы воздушные. Вот они и перемещаются, с высокой скоростью. Когда это сочетается с минусами на градуснике, то становится зябко. Да ещё и влажность, всегда выше нормы. Странно и непонятно – если «минус», то, казалось бы, влага должна вся выпасть, в виде снега. Но не факт! Каково объяснение этому есть – знают лишь специалисты. Рядовому человеку, сие недоступно... Но попадались отдельные сограждане, которые рассказывали, как они переживали и 10, и 20, и даже 30 градусов! В дальних краях и весях. На такие страсти-мордасти атмосферные, жители нашего тёплого города, нарывались либо на военной службе, либо поехав в гости, или командировку. По возвращении, из чужих пенатов – они становились объектами повышенного внимания. Со стороны родичей, друзей и сослуживцев. С какой загадочностью во взоре, порой – эти «амудсены» повествовали, как им, невообразимо загадочным образом, удалось не превратиться ни в снеговиков, ни в белых медведей. Находясь на чужбине. Вдали, от всего родного и привычного. Ну и климата, в том числе... Но продержаться в центре внимания, свыше пары-тройки деньков, эксплуатируя только тему температурного ненастья – не удавалось. Аудитория жаждала других новостей и развлечений. Более свежих.

Такой рассказ – услышал я, но лишь однажды. От папани своего. Как в минус 10, без головного убора, на Тверской, в Москве – он ел мороженое! Безрассудность своего поступка, он объяснил всё той же жаждой экстрима. По окончании поглощения порции лакомства, он надел шапку. И проанализировал свои ощущения. Оказалось, что эксперимент, изначально казавшийся чрезвычайно опасным – при внимательном исследовании подробностей, был совершенно рядовым действием. В реале. Да, уж... «Не так страшен чёрт, как его малюют», воистину. Постновогодние каникулы мои, в тот учебный год, в пятом-то классе – прошли в экзотических катаниях на санках и игре «в снежки». Повезло нам, детворе. Что эта снежная радость, приключилась именно «на каникулах». Но, как и всё хорошее, каникулы закончились. Равно, как и снегопады. Начались занятия. Но ведь – неохота! После таких веселых деньков, вновь садиться за парту. А помещение школьное наше отапливалось, как сейчас трактуется – «форсунками газовыми». Смонтированными в переделанном печном отоплении. Которое работало на традиционных дровах, наверно. Изначально. Так вот, прохладно нам было. Здание в каникулярный период не топили, оно и остыло. Непривычные, тогдашние холода – сделали своё дело. О возникшем дополнительном школьном дискомфорте, я рассказал дома. Бабушка, памятуя своё учительское прошлое в школах «Чёрного города» – поведала, что при температуре ниже предписанной городским отделом народного образования нормы, занятия прерываются. Вплоть до устранения недостатков. Но сколько именно градусов в помещении, было обозначено в качестве нижнего порога – бабушка не знала. Или не помнила.

На следующий день, я притащил в школу наш комнатный, обычный, настольный термометр. Возбуждённый коварным своим замыслом – объявился в классе, ранее всех. Занятия начинались у нас, в 8.20 утра. Нет, официально в 8.00, но в течение 20-ти минут, была гимнастика. Для разминки. Все стояли в школьном коридоре зимой, а весной и осенью – во дворе. На гимнастику можно было и опоздать. Не особо-то и возбранялось. Но к началу урока, следовало быть за партой. Во всеоружии, так сказать! Однако, я объявился в 7.50, в тот, памятный мне, день. Установил термометр, впритык к окну. Поближе к щели, между рамой и подоконником. Сел за первую парту и жду. Часов нет. Думаю, какое же время следует считать «нормативным»?

Для точного-то измерения? Когда интересовала температура моего тела, в сомнительных, с маминой точки зрения случаях – меня выдерживали, с градусником «подмышкой», ровно 10 минут. По будильнику. Считалось, что более точных показаний, уже не будет. Прибор, сильнее не нагреется. Следуя этой аналогии, но преследуя цель достичь наиболее максимального охлаждения градусника – я вытерпел эти 10 мин. Но раза три, контролировал процесс. Убедившись, что красный столбик не желает опускаться ниже 13-ти, эксперимент был остановлен. Спрятав термометр в карман, вышел в коридор, где уже все классы нашего второго этажа – махали руками и приседали под команды Шанаева. Портфели было принято бросать «в кучу». У дверей классной комнаты. Покрутив руками и попрыгав, я не переставал размышлять над текстом, ещё на написанного документа. Зарядка завершилась и все, похватав свои портфели, вошли в класс. Сели за парты. Следом, зашёл препод и начался урок. Какой? Не помню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.